

АКИМ ВОЛЫНСКИЙ

ГИПЕРБОРЕЙСКИЙ ГИМН

Предисловие Олега Матвейчева

Аким Волынский

Гиперборейский Гимн

«Книжный мир»

1920-1925

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2)

Волынский А. Л.

Гиперборейский Гимн / А. Л. Волынский — «Книжный мир»,
1920-1925

ISBN 978-5-6047705-6-6

Ключевая фигура русского модернизма Аким Львович Волынский оставил ярчайший след в русской литературе и искусстве Серебряного века. Опередив своё время на 100 лет, предвосхитил современную индоевропеистику, основы которой сформулировал в выдающемся труде «Гиперборейский Гимн», впервые опубликованном в этой книге. Проследив корни происхождения современной человеческой цивилизации, А. Л. Волынский примирил Ближний Восток с его авраамическим монотеизмом и индоевропейскую Гиперборею, которую считал родиной монотеизма, а не язычества. Выдающийся литературный критик-искусствовед и издатель журнала «Северный вестник» в своих статьях резко выступал против модного на стыке веков позитивизма. В искусстве и в системе художественной мысли шел против течений, искал непостижимый гиперборейский идеал. Книга предназначена широкому кругу читателей, в особенности тем, кто увлекается шедеврами российской философии, литературы и искусства эпохи Серебряного века. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1
ББК 83.3 (2)

ISBN 978-5-6047705-6-6

© Волынский А. Л., 1920-1925

© Книжный мир, 1920-1925

Содержание

Олег Матвейчев	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аким Волынский

Гиперборейский Гимн

© Книжный мир, 2022

© ИП Лобанова О. В., 2022

* * *

Олег Матвейчев Аким Волинский, еврейский Аполлон, опередивший время

Летом 1919 года Аким Волинский дал интервью работнику журнала «Вестник литературы», в котором поделился творческими планами на ближайшее будущее. По словам знаменитого критика, он в течение пятнадцати последних лет усиленно трудился над проблемами семитизма и христианства, и для завершения долгой работы ему осталось лишь совершить путешествие по Востоку – в Месопотамию, Малую Азию, Египет, Синайский полуостров: «Там я надеюсь получить те впечатления, которые помогут мне возможно глубже и тоньше оценить перспективы чрезвычайно интересующего меня вопроса, постичь аромат античной культуры, самую психологию иудаизма и христианства, которая так ярко сказывается в памятниках седой древности, ещё не тронутых духом всё разрушающего времени»¹.

В интервью безымянному репортеру впервые очертились контуры грандиозного труда, посвященного поиску общих корней древних культур и религий евразийского континента. Некоторые его мысли будут высказаны Волинским в книге «Четыре Евангелия» (1922 г.) и в статье «Разрыв с христианством» (1923 г.), написанной по материалам исторической дискуссии с Александром Блоком относительно иудаизма Гейне, которая состоялась 25 марта 1919 года на заседании редколлегии издательства «Всемирная литература». Книга была закончена к сентябрю 1923 года; Волинский не стал искать для неё издателя: «оберегая святость внутреннего настроения», он решил не осквернять её путь к читателю денежным вопросом. Рукопись была подарена ивритскому театру «Габима», с которым с недавних пор Волинского связывали дружеские отношения. Это «в абсолютнейшем смысле слова идейное соединение людей», по мнению критика, воплощало живую связь с доарийской, «гиперборейской» древностью. И дело, по его словам, было даже не в том, что «Габима» преследует задачи национального возрождения, но в том, что «еврейский народ сам по себе, ... очищаясь и преображаясь, является хранителем того проарийского интеллектуального монизма, к которому я иду, при свете которого я и потушил горевшие в моих руках, ныне уже бесполезные, свечи»².

Книга «Гиперборейский Гимн» стала заключительным аккордом творческой жизни Волинского. «Она содержит в себе не только весь разрыв мой с прошлым, но и все приобретения моего духа за всю мою жизнь, – писал автор. – Я иду, а гиперборейский свет меня ведет»³.

Судьба итогового труда Волинского оказалась незавидной. Рукопись, подаренную театру, конфисковали при обыске у его руководителя Наума Цемаха накануне первых зарубежных гастролей. Второй экземпляр, сохранившийся в архиве писателя в РГАЛИ, был фактически неизвестен до 1990-х годов. Даже после его открытия «Гиперборейский Гимн» воспринимался большинством исследователей чем-то вроде эксцентричной выходки стареющего философа. Содержащиеся в нём мысли выглядели слишком экстравагантными даже на фоне пестрого разноцветья теорий и доктрин, которыми было так богато начало XX века.

Главная мысль Волинского перекликалась с модной «нордической гипотезой», согласно которой прародина человечества находилась на существовавшем в древности северном палеоконтиненте. Автором этой гипотезы был французский астроном Жан Сильвен Баи, отстаивавший в своей переписке с Вольтером идею о Гиперборее как северной колыбели цивилизации,

¹ Чем заняты наши писатели. А. Л. Волинский // Вестник литературы. – 1919. – № 8. – С. 4.

² Волинский, А. Л. Никодимова беседа // Жизнь искусства. – 1923. – № 35. – С. 15.

³ Там же.

затонувшей ещё в незапамятные времена⁴. Ту же идею развивали американский религиовед Уильям Ф. Уоррен («Найденный рай на Северном полюсе», 1885 г.)⁵ и индийский санскритолог Бал Гангадхар Тилак («Арктическая родина в Ведах», 1903 г.)⁶, опиравшиеся в своих исследованиях на современные им данные палеогеографии, палеобиологии, этнографии и сравнительного языкознания. Придерживаясь концепции о нахождении в Арктике прародины индоевропейцев, покинутой ими в VIII–VI тыс. до н. э. под влиянием наступающих холодов, Тилак нашел множество аргументов в её пользу в древних ведических и других сакральных текстах, описывающих, по его мнению, реалии приполярных регионов.

Тема Гипербореи поднималась и в знаменитой и чрезвычайно влиятельной «Тайной доктрине» Елены Блаватской (1888 г.). Гиперборея рисовалась ей как громадный арктический континент, населенный представителями т. н. Второй коренной расы, телесная форма которых была промежуточной между астральной и физической. Эта раса была уничтожена Вторым Человечеством, «составленным из самых разнообразных, гигантских получеловеческих чудовищ – первыми попытками материальной природы при построении человеческих тел»⁷. Гиперборея отнюдь не была, по Блаватской, райским местом, как это мнилось грекам: «вечно цветущие страны (Гренландия среди других) Второго Материка были последовательно превращены из Эдемов с их вечной весной в гиперборейский Гадес. Превращение это произошло вследствие смещения великих вод Планеты, океанов, изменивших свои русла; большинство Второй Расы погибло при этой первой судороге эволюции и затвердевания Планеты во время человеческого периода»⁸. Память о древнейшем гиперборейском народе и о населяемом им континенте, не знавшем зимы и не имевшем более одной ночи и одного дня в течение года, осталась в античных легендах и священных текстах, которые несут в себе тайное учение и нуждаются в тщательной расшифровке.

В ходе эволюции астральная сущность в людях постепенно вытеснялась физической, и духовные силы человечества неуклонно иссякали. Лишь Пятая, Арийская, раса, к которой относится современный человек, получила импульс к духовному перерождению, которое завершится появлением богочеловека Седьмой расы, для которого в районе Калифорнии из океана поднимется новый континент.

На нордическую теорию опиралось течение фёлькише⁹, популярное в Германии конца XIX – начала XX века. Его деятели развивали нордическую тематику в связи со стремлением приблизиться к национальным корням; поиск Гипербореи шел на фоне своего рода ностальгии по древней отчизне. К движению фёлькише тяготели многие эзотерики и оккультисты, в том числе австрийский ариософ Гвидо фон Лист, рассказывавший об исчезнувшем континенте Арктогея, прародине арийцев, «расы господ», от века противостоящей «расе рабов». Следы высокой цивилизации автор обнаруживает в памятниках германской культуры. Духовным центром Арктогеи фон Лист объявил остров Туле, который часто отождествлялся с Гипербореей.

Национально-романтический порыв фёлькише сопровождался поиском доказательств превосходства «нордической расы». Ученик фон Листа Йорг фон Либенфельс привлекает для этого «Эдду»¹⁰ и Библию. В книге с характерным названием «Теозоология» (1904 г.) он подводит под расовый вопрос богословскую базу и связывает физическое и духовное ухудшение

⁴ Байн, Ж. С. Письма об Атлантиде Платона и о древней истории Азии // Атлантида и Гиперборея: Мифы и факты. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – С. 21–265.

⁵ См.: Уоррен, У. Ф. Найденный рай на Северном полюсе. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 480 с.

⁶ См.: Тилак, Б. Г. Арктическая родина в Ведах. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 528 с.

⁷ Блаватская, Е. П. Тайная доктрина. – М.: Издательство ЭКСМО; Харьков: Издательство «Фолио», 2004. – Т. 2. – С. 161.

⁸ Блаватская, Е. П. Тайная доктрина. – М.: Издательство ЭКСМО; Харьков: Издательство «Фолио», 2004. – Т. 2. – С. 161.

⁹ Völkische (нем.) «народный». – Прим. ред.

¹⁰ «Старшая Эдда» («Эдда Сэмунда», «Песенная Эдда») – сборник древнеисландских песен о богах и героях скандинавской мифологии и истории. – Прим. ред.

божественного рода, к которому изначально принадлежала Ева, с её грехопадением, относившемся не к морально-теологической сфере, но к сфере антропологической, поскольку было оно ничем иным как расовым смешением¹¹.

Точно так же посредством смешения с темными расами после исхода арийцев с Севера, «страны богов и праведных людей, “страны благочестивых гипербореев”»¹², дегенерировало и чистое героическое арийство, равно как и арийская первоначальная религия. Таким образом, задача ариогерманцев состоит в искуплении первородного греха посредством расовой сегрегации и возвращении себе былого могущества и божественности.

Подобную цель ставило перед собой и Общество «Туле», основанное в 1918 году в Мюнхене Рудольфом фон Зеботтендорфом (настоящее имя Адам Глауэр). Фальшивый барон, поклонник Блаватской, суфист, масон и турецкий подданный, он с энтузиазмом воспринял идею о Туле как древнейшей в истории человечества немецкой культуре, обладавшей передовой наукой – так, именно её астрономические записи стали основой для создания рунической письменности. Эта культура распространилась с северного острова по всему миру. Её следы он находил в доеврейской Палестине (так, библейские исполины, по его мнению, были ни кем иным, как представителями гиперборейской «расы господ»), Микенах и Трое, а также Индии и Иране.

Члены Общества «Туле» верили, что тайны древней Земли не были потеряны. «Существа-посредники между людьми и разными созданиями извне якобы сохранили для посвященных хранилище сил, откуда те могут их черпать, чтобы сделать Германию госпожой мира, провозвестницей грядущего сверхчеловечества, подвергнувшейся мутации человеческой расы. Настанет день, когда двинутся легионы, чтобы смести все препятствия на духовном пути Земли, и их поведут непогрешимые люди, щедро черпающие в источниках энергий, ведомые Великими Древними»¹³. В 1919 году в основанную членами Общества «Туле» Немецкую рабочую партию вступил Адольф Гитлер. Через год партия была переименована в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП). Идеи Зеботтендорфа были подхвачены Альфредом Розенбергом, также рассчитывавшим возродить дух цивилизации Туле, «империи всех немцев».

Таков был примерный идеологический контекст появления «Гиперборейского Гимна» Акима Волинского, явившего собой новый этап в развитии нордической теории. Расхождение концепции Волинского с теориями предшественников было кардинальным. Если ариософы видели в гиперборейцах предков «благородных» арийских народов, а все прочие нации, имевшие другие корни (прежде всего евреев), объявляли нечистыми, то по Волинскому гиперборейский период предшествовал самому разделению человечества на нации. Это была эра совершенного монизма, время единого культа – культа Света, общего и для ариев, и для семитов. В чистом виде это откровение сохранил иудаизм – данный тезис является главной отличительной особенностью концепции Волинского и наиболее революционным её элементом.

* * *

Аким Волинский – из той редкой породы людей, которым удалось не просто оставить своей след в истории общества, но и проложить новые пути развития гуманитарной мысли для целых поколений. Несмотря на свою исключительную популярность (о нём беспрестанно говорили, он выступал персонажем целого ряда литературных произведений), Волинский был человеком сложной судьбы, познавшим и предательство, и травлю, и бедность, и одиночество,

¹¹ Либенфельс, Й. Л. Теозоология. Тамбов: Издательство «Ex Nord Lux», 2008. – С. 127.

¹² Указ. соч. – С. 131.

¹³ Бержье, Ж., Повель, Л. Утро магов. Введение в фантастический реализм. – М.: Вече, 2005. – С. 309.

но никогда не позволявшим себе «прогибаться под изменчивый мир». «Исхоженные, ровные пути были органически враждебны А. Л. Волинскому, в ногу он идти не умел, он шел всегда против течения – и оттого в “хорошем обществе” русского либерализма он не был принят»¹⁴. Про Волинского говорили, что он родился не в своё время: появившись он на свет пятью веками раньше, он оставил бы после себя громадное идейное движение и тысячи последователей и, возможно, был бы даже причислен к лику святых. По замечанию Константина Федина, у Волинского нет биографии, у него – *жизние* ¹⁵.

Родился Аким Волинский (настоящее имя – Хаим Лейбович Флексер) 3 мая 1863 года в Житомире. Учился в русской гимназии. После развода родителей переехал с матерью в Петербург, где по окончании 5-й гимназии поступил на юридический факультет университета, сразу получив стипендию (нерядовой случай для выходца из еврейской семьи!). Уже в студенчестве он начинает журналистскую карьеру, поступив в сионистскую газету «Рассвет». Здесь в 1882 году была опубликована его рецензия на лекцию Владимира Соловьева о еврейском вопросе. С тезисом молодого профессора о грядущем слиянии всечеловеческого русского духа с индивидуалистическим еврейским, из чего явится универсальное христианство, Флексер полемизировал особенно горячо, указывая на разгул черносотенства и погромы.

В конце 1880-х, после доклада Флексера о споре Милля со Спенсером, со студентом-правоведом знакомится Дмитрий Мережковский, тоже студент, живший с ним по соседству, на Знаменской. Мережковский представляет нового приятеля Александре Давыдовой, в квартире которой собирался кружок народников. Тогда же начинается плодотворный этап сотрудничества Флексера с журналом «Северный вестник», которым руководили Давыдова и Анна Евреинова, доктор права Лейпцигского университета. К тому времени молодой автор уже был известен под псевдонимом «Волинский» – именно так он подписал свою первую научную работу «Теолого-политическое учение Спинозы» (1885 г.), где доказывалась концептуальная и духовная связь пантеистической философии Спинозы с иудаизмом – религией Моисея.

Взгляды Волинского стремительно эволюционируют в направлении некой синтетической, наднациональной духовности, подразумевающей родство религий, происходящих из единого корня. Эмоционально Волинский тяготеет в тот период к христианству (хотя и не торопится принять обряд крещения; он не примет его даже во время своей поездки на Афон в 1899 году), он рассуждает о Сионе и Голгофе как двух равнозначных духовных константах человечества, и одновременно ищет улучшенной, философски обоснованной веры в высшее начало.

В 1889 году Волинский оканчивает университет и, отказавшись остаться на кафедре государственного права, посвящает себя литературной деятельности. Одна из первых статей, опубликованных им в «Северном вестнике», посвящалась философии Канта, которого Волинский взял себе в союзники в борьбе с плоским материализмом и атеизмом. Установленные кёнигсбергским философом пределы возможностям человеческого разума открывают область, где начинается вера. Напротив, «только свойственное людям обыкновение рассуждать без руководства критики чистого разума есть источник противного нравственности неверия, всегда догматического»¹⁶.

Волинский ставит новую задачу перед русской интеллигенцией – возврат к религиозным поискам, ориентация на высшие духовные ценности. В канун начала Серебряного века он оказывается предтечей русского религиознофилософского возрождения XX века, как минимум, на десятилетие опередив богоискательство Мережковского, Бердяева, Сергея Булгакова.

¹⁴ Памяти А. Л. Волинского. – Л.: Всероссийский союз писателей, 1928. – С. 7.

¹⁵ Федин, К. А. Аким Львович Волинский // Памяти А. Л. Волинского. – Л.: Всероссийский союз писателей, 1928. – С. 29.

¹⁶ Волинский, А. Л. Критические и догматические элементы в философии Канта // Северный вестник. – 1889. – № 7. – С. 72.

Для восьмидесятых-девяностых годов XIX века призыв к идеализму выглядел диким ретроградством: в обществе господствовали «прогрессивное» безбожие и позитивизм. «Несколько поколений выросло в уверенности, что духовные ценности: Бог, идеализм, красота – означают угнетение, невежество, тьму, феодализм. Атеизм же и естественные науки оказывались на стороне страдальца-народа (пока не подозревавшего об этом союзнике). Толстой в этой системе казался ретроградом и мракобесом, Достоевский – ренегатом, Гоголь – фанатиком реакции. Стихов, кроме Некрасовских, почти не читали. Искусство и поэзия допускались постольку, поскольку приносили пользу, т. е. содержали “дельные сведения” или “честные идеи”. Всё это означало, увы, интеллектуальное и художественное обмеление. Читатель в унынии обращался к иностранной литературе»¹⁷.

В своих статьях в «Северном вестнике» Волинский обращался к темам духовности, религии, уходя от разобщающей социально-политической проблематики. Борец за идеализм, он первым начал требовать от современной ему русской литературы философичности, рассуждений о вечных истинах. С огромным напором Волинский обрушивался на русскую критику и публицистику, которая даже в своих лучших представителях – Белинском, Добролюбова, Чернышевском, Писареве, Аполлоне Григорьеве – «никогда не углублялась до истинно философских идей, волнующих всякого крупного художника» и оказалась неспособна укрепить гуманные стремления, которыми она вдохновлялась, на «непоколебимых основаниях», сосредоточившись на вопросах общественной пользы¹⁸.

Развенчание либеральных литературных критиков сопровождалось у Волинского страстной полемикой с Николаем Михайловским, мыслителем предыдущего поколения, также подвизавшимся в «Северном вестнике». Теоретик народничества ставил остросоциальных Салтыкова-Щедрина и Глеба Успенского выше Тургенева, Достоевского и Толстого, *стоявших*, по его мнению, в стороне от прогресса и не имевших столь ценимых Михайловским радикальных убеждений. Волинского это просто бесило, и он не стеснялся в выражениях.

В ответ Михайловский высмеивал стиль Волинского, в то время и в самом деле ещё небезупречный (чего стоят лишь его «новая мозговая линия» или письма, написанные «размашистым языком»)¹⁹.

Два литературных льва не смогли ужиться в одной клетке, в 1890 году Михайловский покинул редакцию «Северного вестника», что привело к падению подписки и финансовым проблемам. Журнал вскладчину купила у Евреиновой группа литераторов во главе с Любовью Гуревич, с которой Волинского связывали романтические отношения. С 1891 года журнал перешел к Волинскому в фактически безраздельное владение и стал рупором новой литературной формации, которая позднее получит название «символизм».

Статьи о русских критиках Волинский собрал в отдельную книгу и издал её в 1896 году. Книга опередила своё время, а потому не нашла сочувствия среди большинства читателей, включая Чехова, за глаза дразнившего Флексера «филлоксерой» (по названию мелкого насекомого – вредителя винограда) и «облезлым философом». Волинский, в свою очередь, уличал Чехова в кондовом материализме в духе Фохта и Молешотта. Вот как он вспоминал о своём первом разговоре с писателем: «Мне хотелось сделать наглядно понятие существования в нас интеллектуально-личного принципа, узнающего себя во всех метаморфозах бытия, самознательного света, блещущего из внутренней какой-то точки, при том всегда верного себе и тождественного с самим собой. Я стал излагать основы критического идеализма... Чехов ...

¹⁷ Толстая, Е. Д. Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волинского. – М.: Мосты культуры / Гешарим, 2013. – С. 51.

¹⁸ Волинский, А. Л. Русские критики. – СПб: Типография М. Меркушева (б. Н. Лебедева), 1896. – С. II.

¹⁹ Михайловский, Н. К. Литература и жизнь // Русская мысль. – 1891. – № 4. – С. 177–178.

отхлебывал холодный чаек и приговаривал от времени до времени: “Всё проще, как печень выделяет желчь, так и люди выделяют мысль”»²⁰.

Человек бескомпромиссный, Волинский если ненавидел – то ненавидел, но если уж любил – то любил! В узкий круг его любимых авторов входили Лев Толстой и Федор Достоевский – критик не мог отдать никому из них предпочтения, почитая Толстого как великолепного стилиста и рассказчика, а Достоевского – как глубочайшего мыслителя и знатока человеческих душ. Начавшие публиковаться в конце XIX века статьи Волинского о Достоевском оказались поистине новаторскими. Его идеи не считали за грех заимствовать даже философы первой величины, в том числе Сергей Булгаков, уличенный в этом самим Волинским. В России работы Волинского не получили широкой известности, однако достаточно активно публиковались на Западе, пробудив интерес к русскому гению и превратив его в писателя номер один. Психологическая интерпретация произведений Достоевского стала нормативной у зарубежных ученых.

Волинский вернул читающей публике опального Николая Лескова, в 1891 году пригласив его печататься в «Северном вестнике». Свои статьи о Лескове Волинский включил в сборник, изданный в 1898 году. Именно благодаря нему автор «Соборян» получил всеобщее признание как русский классик.

Летом 1892 года Волинский читает хит сезона – «Заратустру» Ницше. Блистательный остроумный стиль немецкого мыслителя не искупил для Волинского отсутствие в его поэме «имманентного морального зерна», на что он указал во время диспута на загородной даче Мережковскому, страстному поклоннику Ницше.

О Ницше тогда говорили все, хотя долгое время многие его книги были запрещены в России цензурой. Популярность мыслителя, воспевшего языческую древность, полную ярости, отваги и воли к мощи, превосходила в России той поры все пределы. «Обаяние Дионисово сделало его властителем наших дум и ковачом грядущего»²¹, – восклицал Вячеслав Иванов, уверенный, что только возрождение дионисийства как живого культа позволит преодолеть кризис современного мира, основанного на принципе индивидуализма, и сплотить человечество в глубоком экстазе мистического единства. Ницшевская метафора противостояния аполлонического и дионисийского начал в культуре была воспринята значительной частью русской интеллигенции «за чистую монету», как реальное положение дел в греческой культуре или даже как некое мистическое откровение. Под знаком этой антитезы пройдет весь Серебряный век русской культуры²².

Приоритет в рецепции ницшевской концептуальной пары на российской почве по праву принадлежит Волинскому, уже в 1896 году опубликовавшему в «Северном вестнике» статью, содержащую подробное изложение «Рождения трагедии из духа музыки» и сопутствующие размышления на тему аполлонического и дионисийского начал. В отличие от своего друга Мережковского, а также едва ли не большинства представителей Серебряного века, от Фаддея Зелинского и Вячеслава Иванова до Александра Блока и Осипа Мандельштама, Волинский отдавал предпочтение символическому Аполлону, богу не оргийного, но созерцательного экстаза, который единственный только и может вывести людей светлым путем красоты из миража к свободе. «Служение Дионису, – писал он, – сузило задачу человеческой жизни, которая должна быть чудом, а не преступлением, таинственным подвигом любви, а не чувственным

²⁰ Цит. по: Толстая, Е. Д. Бедный рыцарь. Интеллектуальное странствие Акима Волинского. – М.: Мосты культуры / Гешарим, 2013. – С. 84.

²¹ Иванов, В. И. Ницше и Дионис // Иванов, В. И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 27.

²² Об особенностях рецепции и бытования в среде российской интеллигенции эпохи Серебряного века знаменитой ницшевской антитезы «аполлоническое и дионисийское» см.: Матвейчев, О. А. Аполлон на аэроплане. Модернизация античности в русском ницшеанстве // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». – 2021. – № 1(55). – С. 114–136.

весельем с кровавыми жертвоприношениями в храме жестокого бога. ... Порываясь в вакхическом безумии навстречу смерти, человек неизбежно вовлекается в пучину явлений, от которых он хотел освободиться. ... Только в созерцательном экстазе спасение от мира. ... Сквозь мираж ослепительных видений одна только спокойная мудрость видит какое-то неясное, бесформенное мерцание, и это мерцание – Бог»²³.

Именно у Ницше Волинский почерпнет важнейшую для его позднего творчества метафору – Гиперборею, суровую северную страну из древнегреческих сказаний, край чистой витальности и доблести духа, где только и может быть воплощен высший тип человека – «своего рода сверхчеловек в пропорции к человечеству в целом».

Высокоречивым манифестом гиперборейства Ницше предварил свою знаменитую книгу «Антихрист» (1888 г.):

«Взглянем в лицо самим себе. Мы гиперборейцы – мы хорошо знаем, как далеко в стороне живем. “Ни по земле, ни по воде не найдешь ты пути к гиперборейцам”, – это ещё Пиндару было известно о нас. По ту сторону Севера, льда, смерти – там живем, там наше счастье... Мы открыли счастье, мы ведаем путь, мы вышли из лабиринта тысячелетий. Кто ещё-то его нашел? – Уж не “современный” ли человек? “Я в безысходности, я – это Всё, что пребывает в полнейшей безысходности”, – вздыхает современный человек... *Такой* “современностью” мы переболели – худым миром, трусливыми компромиссами, добродетельной нечистотой современных утверждений и отрицаний, Да и Нет. Терпимость, *largeur*²⁴ сердца – все “понимать”, все “прощать” – это для нас сирокко. Лучше жить во льдах, чем среди современных добродетелей и прочих южных ветров!»²⁵

Борьбу с нарождающимся декадентством, знаменем которого стал в России Фридрих Ницше, Волинский будет вести и впредь. Бездуховность, манерность, надрывность и пессимизм декадентов он противопоставит позитивному, проникнутому духовным светом «аполлоническому» символизму – эта антитеза станет со временем мейнстримом. Волинский будет беспощадно критиковать Сологуба, обличать Брюсова как лицемера и эротомана, подозревать Бальмонта в демонизме. Достанется даже его возлюбленной (при живом-то муже Мережковском! о времена, о нравы!) Зинаиде Гиппиус – но лишь как прозаику: поэзия её Акиму Львовичу нравилась.

Будоражающее умы современников противостояние Аполлона и Диониса станет стержневой темой творчества Волинского и найдет отражение в его последнем труде – «Гиперборейском Гимне»²⁶.

Весной 1896 года чета Мережковских вместе с Волинским отправляются в путешествие по Италии, чтобы собрать материалы для новой книги о Леонардо да Винчи. Здесь Волинский окончательно и бесповоротно порвет с обоими, а найденную информацию по Ренессансу использует для своей собственной книги по Леонардо, главы из которой опубликует в своём «Северном вестнике», а в 1900 году издаст её отдельным изданием. В этом труде автор в косвенной форме продолжит свою полемику с декадентством (Леонардо у него выступает кем-то вроде демона-искусителя, его одаренность безблагодатна и имеет темную природу) и апроприрует свой новый метод интерпретации художественных произведений путем дешифровки

²³ Волинский, А. Л. Литературные заметки: Аполлон и Дионис // Ницше: pro et contra. – СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. – С. 190–191.

²⁴ Широта, великодушие (фр.).

²⁵ Ницше, Ф. Антихрист // Ницше, Ф. Полн. собр. соч.: В 13 т. – М.: Культурная революция, 2009. – Т. 6. – С. 110. Курсив Ницше.

²⁶ Дискуссию относительно аполлонического и дионисийского начал Волинский продолжит с Лу Андреас-Саломе, бывшей близкой подругой Ницше, у которой критик провел лето 1897 года. К слову, в её доме в Германии проживал в то время и молодой поэт Рильке, без памяти влюбившийся в неё после прочтения её статьи «Иисус-еврей» (1896 г.). В этой статье Саломе доказывала, что подлинное постижение Бога возможно сегодня исключительно через вакхический экстаз.

языка пластики, поз, мимики. Не слишком привечаемый в своей стране, за свою книгу об итальянском гении Волинский получил звание почетного гражданина города Милана.

В начале 1899 года закрывается «Северный вестник». Для Волинского начинается новая жизнь – в бедности и одиночестве. Его отказываются печатать журналы, и он зарабатывает на жизнь чтением публичных лекций, пользовавшихся, надо сказать, огромным успехом благодаря его заразительному, темпераментному красноречию. Актер Александрийского театра, богач и меценат Николай Ходотов дал приют критику в своей громадной квартире, называя его «мой домашний Заратустра». Тогда же, в начале XX века, Волинский увлекается театром, а затем – балетом. Он работает заведующим литчастью в театре Комиссаржевской (именно здесь происходит его знакомство с танцовщицей Идой Рубинштейн), затем – в основанном Ходотовым «Современном театре».

В 1907 году Волинский с Идой Рубинштейн посещают Грецию. Критик собирает информацию для исследования об античном театре, в том числе о его ранней, дифирамбической форме, и приходит к выводу, что именно танец является истоком и сердцем античного театра. Результаты своих изысканий Волинский показал в Берлине Ульриху фон Виламовиц-Мёллендорфу. «Старейшина» классических филологов Германии одобрил работу коллеги, тем более что её выводы перекликались с идеями самого Виламовица, в отличие от Ницше выводившего истоки греческой трагедии не из дионисийского культа, а из хоровой лирики. Феномену дифирамба Волинский посвятит одну из глав «Гиперборейского гимна».

В 1909 году в Петербурге начал выходить литературный ежемесячник «Аполлон», цель которого, по словам Брюсова, заключалась в том, чтобы «отстаивать аполлонизм против дионисизма»²⁷, т. е. ясное, политически нейтральное и совершенное по форме творчество поэта-мастера, уважающего нормы художественного вкуса – против стихийных и «беззаконных» экзальтаций поэта-пророка.

Журнал сосредоточил в себе цвет русского символизма. На роль заведующего литературно-критическом отделом предполагался Волинский, годом ранее подтвердивший свою последовательно «антидионисийскую» позицию на страницах «Обозрения театров». Критик огорчился, рассуждая о русском характере, что тот, пусть и весь проникнутый сердечностью, не имеет в себе импульса к историческому созиданию: «Это только – эмоция, истступленное какое-то созерцание Божества, экстаз, в котором тает всё личное, чисто человеческое. ... Даже в своём искусстве, единственно живом средоточии русской религиозности, в вопросе религиозном, Россия не ушла пока дальше Диониса: самого эмоционального из всех богов древней Эллады. ... От Диониса к Аполлону: таков, по-моему, лозунг современной минуты. ... На пути старой русской экстазности, с её самоумалениями и самоуничижениями перед лицом Бога, с её пьяной слезой и сладко расплывающейся самокритикой, сделано, кажется, всё. И надо идти дальше, к людям, в кровавый поток истории, безжалостно разрушая всё ветхое и светло создавая всё новое. А для такой великой исторической работы нужна, прежде всего, слитность внутренних сил человека, согласованный ритм ума и сердца. Под духовным влиянием Аполлона рождается новый человек. Мы идем к Аполлону»²⁸.

В коллективе редколлегии Волинский не прижился, не пожелав, по его собственному признанию, делить роль главного идеолога журнала с «маниаком Диониса» Вячеславом Ивановым. Однако редакционному коллективу в целом передалось его настроение «ожидания Аполлона». Античность, в которую звали «аполлоновцы», находилась не в прошлом, а в будущем. «Аполлон, – отмечали авторы вступительной статьи к первому номеру журнала, – только символ, далекий зов из ещё непостроенных храмов, возвещающий нам, что для искусства совре-

²⁷ Письмо А. В. Амфитеатрову 10/23 июня 1909 года. Цит. по: Лавров, А. В. Символисты и другие. Статьи. Разыскания. Публикации. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – С. 675.

²⁸ А. Л. Волинский о русском искусстве // Обозрение театров. – 1908. 29 января. – № 322. – С. 16–17.

менности наступает эпоха устремлений – всех искренних и сильных – к новой правде, к глубоко сознательному и стройному творчеству: от разрозненных опытов – к закономерному мастерству, от расплывчатых эффектов – к стилю, к прекрасной форме и к животворящей мечте. ... Лик грядущего Аполлона нельзя увидеть. Мы знаем только, что это лик – не греческий, с чертами застывшими в божественном иератизме, и не лик Возрождения, а современный – всеми предчувствиями новой культуры, нового человека овеянный лик»²⁹.

Последовательный аполлонизм Волинского проявится в его балетной критике. Классический танец, принципом которого является «чувство, управляемое по законам логики», Волинский с уверенностью относит к «царству Аполлона» – «он органически противоположен всему дионисическому. Вакхические струи могут врываться в него только извне, секундными эпизодами, не разрушающими его единой цельности»³⁰. Так случается, например, во время исполнения эффектного па баллон³¹, характеризуемого Волинским как «пластический ямб в честь бога Диониса»³².

Аполлон у Волинского – не просто символ балета как формализованного пластического искусства, он также и его родоначальник. В гомеровском гимне Аполлону Пифийскому он, играя на кифаре, выступает впереди хора критян красивым движением на высоких пальцах, те же спешат ему вослед, «топая дружно ногами» (Гимн. Ном. II 337–339), то есть, ступая всей ступней и этим отличаясь от лучезарного бога, «как отличается проза от поэзии, будни от праздников, как отличается лицо от лика»³³.

В начале 1910-х годов Волинский занимает должность балетного критика в «Биржевых ведомостях». Именно в этом амплуа он возвращается к литературной деятельности. Его статьи и рецензии пользуются большим успехом, он и сам берет уроки балета, чтобы телесно, на собственном опыте, изучить особенности этого пластического искусства. Одновременно Волинский возглавляет издательство «Грядущий день», выпускающее книги по истории искусства, прежде всего, времен Ренессанса. К печати готовится его двенадцатитомное собрание сочинений, выходу которого помешает война, а затем – революция.

Волинский примет революцию и станет сотрудничать с новой властью. Он, как и прежде, будет далек от политики и не опубликует ни одной статьи на политические темы. Работы и без того будет много – Волинский руководит «Русско-еврейской энциклопедией», трудится в составе редколлегии издательства «Всемирная литература», возглавляет Петроградское отделение Всероссийского Союза писателей и отдел балета в газете «Жизнь искусства».

Волинский увидел в революции своего рода аполлонический ответ на едва не уничтожившее русскую культуру и общество декадентство. Сам Аполлон с его священной пляской воспринимался им как бог революции. «Принципы выворотности, принципы баллона и элевации, принципы свернутых и развернутых движений, весь свиток канонов, пришедших к нам с героической оркестры Эллады, – всё это дышит чистым пламенем Аполлона, самого революционного и страстотерпческого из гениев Олимпа. ... Только в дерзновенном безумии духа,

²⁹ [Анненский И. Ф., Бенца А. Н., Иванов В. И., Маковский С. К.] Вступление // Аполлон. – 1909. – № 1. – С. 3–4.

³⁰ Волинский, А. Л. Книга ликований. Азбука классического танца. – СПб: Издательство «Лань»; «Издательство Планета музыки», 2008. – С. 252.

³¹ Термин классического танца (фр. ballon, «воздушный шар»). Способность танцовщика сохранять положение в момент прыжка, зависая на миг в воздухе. – *Прим. ред.*

³² Это движение создает «впечатление веселья, чуть-чуть разнузданного, чуть-чуть двусмысленного, напоминающего веселье канкана. Если, служа Аполлону, легко иногда вовлечься в акробатизм, то, с другой стороны, служа Дионису, мы всегда ходим на границе разгульного и бесшабашного хаотического танца, среди форм которого канкан-balloné занимает не последнее место. Публика обыкновенно отзывается на, баллонизирующую танцовщицу ураганными аплодисментами. Толпа не всегда отличит и оценит Аполлона, но своего древнего пеласгического или скифского Диониса она узнает повсюду и приветствует его с бурным восторгом» (Волинский, А. Л. Книга ликований... С. 170).

³³ Волинский, А. Л. Книга ликований. Азбука классического танца. – СПб: Издательство «Лань»; Издательство «Планета музыки», 2008. – С. 27.

поднимающего тело на палыцы, источник всякой активной борьбы. ... Человек отрешается тут не только от личных своих интересов, но и от индивидуального своего языка, чтобы говорить и миру языком универсальным и вечным»³⁴. В обновленном балете Волюнский видел эффективный инструмент «для поднятия сил социального организма страны», арену и школу воинственного героического духа. Советский балет, по мысли Волюнского, должен вернуться к античным корням, и именно на его основе должен со временем осуществиться синтез искусств.

Волюнский готовит масштабную реформу русской балетной школы – составляет учебную программу для Государственного хореографического техникума с новаторскими курсами «художественной анатомии» и биомеханики, пишет учебник балета в форме искусствоведческой поэмы – «Книгу ликований» (1925 г.).

Занятой до невозможности, Волюнский, однако, находит время и для научной работы. Он, как и прежде, захвачен поиском истоков всеобщей морали, он пытается перекинуть мост между Сионом и Голгофой – иудаизмом и христианством. В 1922 году выходит его книга «Четыре Евангелия» об исторических взаимоотношениях этих вероисповеданий, где развивались основные тезисы упомянутой выше дискуссии с Блоком, в частности, о происхождении христианства из иудаизма в результате внедрения хамитского элемента. Сам Христос предстает у него вождем-демагогом «хамитскокушитских масс», мстящим за порабощение своего народа.

В сжатом виде идеи книги были сформулированы в статье «Разрыв с христианством» (1923 г.). Волюнский характеризует христианство, при всех своих прежних к нему симпатиях – как учение, лишенное монолитности – цельности и связности гетерогенных частей. «Это сплав разнородных стихий, в котором всё бурлит, в котором нет ничего устойчивого в идейном смысле слова. Амальгама хамитской мистики и месопотамской магии с примесью густых яфетидских наслоений, завернутая в эллинский плащ филоновской вышивки – вот что такое христианская идеология в её популярнейших церковных редакциях. Хамитская мистика на первом плане. Магическая культура, с её простонародным знахарством, воскрешением мертвых, чудесным исцелением прокаженных, с её непорочным зачатием в центре всей легенды о Христе, всё это в исторической перспективе является ничем иным, как грубейшим барабаном народного суеверия. Это были именно те токи, которые с древнейших времен стремились подмыть основные устои семитического духа, незапятнанный гиперборейский монизм, который пронесен им через столько веков, через столько гор и пустынь. Христианство держится на хамитстве. Это его плоть и кровь. Это религия народных масс, женщин и детей, религия прокаженных и юродивых, кликуш и кровоточивых. Эти массы заполняют собою страницы евангельских повествований, образуя какой-то вид трагического хора вокруг героического корифея, угрожающего своими полчищами бронзовым твердыням стародавней культуры, книжной начитанности и образованности страны»³⁵.

Рассуждениям об исторических судьбах иудаизма и христианства Волюнский посвящает значительную часть своей последней книги «Гиперборейский Гимн». Симпатии его – явно на стороне иудаизма, что не удивительно («Есмь иудей и пребуду им навсегда!»³⁶). Именно семиты, по мнению Волюнского, лучше других народов сумели сохранить черты наших древнейших предков – гипербореев, а также монизм как фундаментальный принцип их мышления. Монистическое мышление выродилось в христианстве, которое Волюнский считает изменой иудаизму. Космические идеи сменились в нём «антропоморфными построениями хамитских народностей»; в мире утвердился дуализм «со всеми его построениями и антиномиями, со всеми его видениями и исчадиями, со всеми его антитезами добра и зла, света и тьмы, духа и

³⁴ Волюнский, А. Л. Героический человек // Жизнь искусства. – 1922. – № 36. – С. 5.

³⁵ Волюнский, А. Л. Разрыв с христианством // Жизнь искусства. – 1923. – № 31. – С. 9.

³⁶ Указ. соч. – С. 14.

плоти, со всем трагизмом неразрешимой диалектики, со всем ходульным пафосом безысходных противоречий».

Мир, разочаровавшийся в христианстве, страдающий от раздвоенности сознания, по мнению Волюнского, готов к возвращению к гиперборейским истокам, он «решиительно идет к монизму на всех парах». Автор пророчествует в духе русского космизма о грядущей эре «нового Аполлона» – человека целостного сознания и всемирной разумности, который будет жить вечно. «Будет некогда день, когда человек станет, как солнце. Он будет светел насквозь. Воля и чувство его будут одно. Никакого разлада, никакого раздвоения, сама мысль о преступности, о злодеяниях отпадает навсегда. Ночи не будет. Смерти не будет. Времени не будет. Новый Аполлон расстреляет все тучи, обложившие небо, и все в мире, рожденное солнцем, вернется в солнце на беспредельные времена. Об этом вздыхает и наука, вся монистическая философия новых дней, может быть новая религия мира, слагающаяся где-то в неисследуемых недрах метущегося духа».

Книга «Гиперборейский гимн» так и осталась неоконченной. 6 июля 1926 года Волюнский умер. Он был похоронен в единственном своём сюртуке, в котором ходил в гости. «Это было его единственное имущество. Он был истинный коммунист», – писала Елена Грекова³⁷. Вскоре его работы начали изыматься из библиотек, а имя его было предано забвению. Даже с началом «перестройки», когда к советскому читателю стали возвращаться имена Мережковского, Бердяева, Розанова, Волюнский оставался почти неизвестным широкой публике. Первые публикации о нём появились лишь в девяностые годы.

Аким Волюнский опередил своё время на добрые сто лет. Именно сейчас «арктическая гипотеза» может считаться доказанной.

История любой страны и любого народа является частью его идентичности и сильно влияет на самовосприятие, на ценности, на образ мышления, образ действий. В науке истории сейчас без преувеличения происходит революция. Она отчасти связана с развитием археологии (археология, – наука довольно молодая, началась, по большому счету, в XIX веке, усиленно развивается, стоянки древних людей и различные серьезные исторические пласты открывают каждые 5 лет), но в ещё большей степени революционное влияние оказала расшифровка человеческого генома в 90-х годах прошлого века и стремительное развитие популяционной генетики и палеогенетики. Палеогенетика позволяет не только заглянуть в прошлое, которое отстоит от нас на десятки тысяч лет, но в отличие от методов археологии (дендрология, радиоуглеродный анализ) позволяет с **математической** точностью делать выводы о том, кто именно жил в то или иное время и о путях миграции разных народов в истории. Определенную помощь в исторической революции оказывают также современные методы компьютерной лингвистики, которые занимаются сравнительным языкознанием и находят сходства корней в различных языках.

Понятно, что вокруг новых археологических и палеогенетических открытий сформировалось огромное количество околonaучных учений, теорий, которые некритически потребляет малообразованная общественность. Однако это уже становится серьезным массовым явлением. К всевозможным родноверам, неоязычникам, сторонникам ариев (истинных арийцев) и проч. уже, по самым скромным подсчётам, в России принадлежит порядка 2–3 миллионов человек. У них есть огромное количество пабликов в социальных сетях, сложилась целая культурная среда, паломничество к разным «местам силы» и прочее. В любом случае, массовый запрос на это есть и понятно, что настоящие научные исследования дискредитируются этими всеми любителями.

Естественно, консервативная академическая наука сопротивляется новациям и научные бонзы, в силу возраста наделенные титулами и званиями, на любую нестандартную идею или гипотезу в области древней истории сразу же клеят ярлык фоменковщины. Такое впечатле-

³⁷ Грекова, Е. Старый энтузиаст // Памяти А. Л. Волюнского. – Л.: Всероссийский союз писателей, 1928. – С. 67.

ние, что Фоменко и Носовский специально придуманы консервативными историками для того, чтобы всегда была возможность потом, в будущем, заранее дискредитировать любое отступление от истории Соловьева и Ключевского. Доходит до смешного. «Курчатовский институт» провел генетические исследования краснодарского винограда сорта «красностоп» и выяснил, что он не занесён из Франции казаками, вернувшимися из походов 1812 года, как считали местные жители, а является эндемиком, более того, он предковый для средиземноморских сортов винограда, особенно – испанских. Это доказывает, что виноградарство распространялось из северного черноморья в средиземноморье вместе с миграциями индоевропейцев³⁸. Академические консервативные ученые обвинили Михаила Ковальчука в фоменковщине, в лже-научности, сказали, что если так пойдет, то он, по примеру «древних укров», докажет, что Христос был украинцем, а Иерусалим был в Краснодаре, и посоветовали заниматься ядерной физикой.

Лже-наука и научный консерватизм – две стороны одной медали, одинаково мешающие научному прогрессу. Нельзя впадать ни в одну из крайностей.

Однако научные исследования всё равно пробивают себе дорогу, тем более, что они не только российские, но и в значительной степени зарубежные. Существует мощнейшая американская генетическая база в Хьюстоне, существует несколько баз в Европе, которые занимаются палеогенетикой, базы в Китае, в Японии.

О чем идет речь применительно к истории России и к Акиме Волинскому?

Y- хромосома передается от отца к сыну (в противном случае, родилась бы девочка). И таким образом, можно проследить предков мужчины вплоть до Y-хромосомного Адама (понятие в генетике). Естественно, за тысячелетия в Y-хромосоме происходили мутации. 20 основных из них образуют так называемые гаплогруппы, обозначаемые цифрами латинского алфавита. Внутри гаплогрупп есть мелкие мутации, обозначаемые другими буквами и цифрами. Принадлежность к гаплогруппе не определяет фенотип, расу и прочие антропологические признаки, на которые может влиять и климат, и смешение с женскими фенотипами.

³⁸ URL: <https://ria.ru/20210628/vinograd-1738915425.html>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.